

4. Рождаемость в России: тенденции, оценка действительного уровня и интерпретация изменений за последние десятилетия

4.1. Усиление негативного влияния возрастной и брачной структуры населения на число рождений в России

В 1999 г. число рождений в России достигло исторического минимума — 1214,7 тыс. (без учета рождений в Чеченской Республике, в которой демографические события в те годы не регистрировались в установленном порядке). В 2000–2015 гг. число рождений в России на сопоставимой территории увеличивалось (исключения — 2005 и 2013 гг.). Сопоставимое число живорождений (без Чечни, Крыма и г. Севастополя) в 2014 г. стало больше, чем в 1999 г., на 699 тыс., или на 57,5%. Далее число рождений начало снижаться, и сопоставимое по территории число рождений в 2018 г. составило 1603,1, оставаясь на 31% выше исторического минимума. В 2019 г. снижение рождений продолжалось: по сравнению с 2018 г. число рождений в 2019 г. стало ниже на 1,6%, по сравнению с 1999 г. сопоставимое абсолютное число рождений окажется выше уже только на 20%.

Общая численность женщин в основных репродуктивных возрастах (от 20 до 39 лет) с начала 2000-х годов и вплоть до 2011 г. находилась в фазе роста, что положительно влияло и на число браков, и на число рождений. Однако затем число потенциальных матерей сокращалось, и к 2019 г. накопленное снижение численности указанной возрастной группы составило более 2 млн (или 10%). Правда, численность отдельных возрастных групп в последние годы менялась в разных направлениях: в 2015–2019 гг. быстро сокращалась численность молодых женщин до 30 лет, а численность женщин старше 30 лет увеличивалась. Такое разнонаправленное изменение численности возрастных групп оказывало противоречивое влияние на динамику числа браков и рождений. Снижение чис-

ленности молодых женщин сокращало число потенциальных браков и число рождений первой очередности. Напротив, увеличение численности женщин старше 30 лет способствовало увеличению доли повторных рождений. Рост числа женщин в старших репродуктивных возрастах в современной России стал более важным для числа рождений, чем молодых женщин (в возрастах до 25 лет), ввиду того, что средний возраст матерей в последние два десятилетия имел выраженную тенденцию к повышению вслед за средним возрастом вступления в брак и составил в 2018 г. 28,6 года (в 2000 г. — 25,8 года). Одновременный рост числа потенциальных матерей в старших детородных возрастах и интенсивных показателей рождаемости, т.е. нормированных на численность женщин в этих же возрастах, обеспечивал прирост абсолютного числа родившихся детей в 2000-х годах. Вклад же молодых женщин до 25 лет за эти полтора десятилетия был отрицательным.

Однако рост численности женщин с растущей рождаемостью подошел к концу: численность ключевой группы 25–29-летних женщин достигла максимума в 2012 г., после чего быстро падала. В 2019 г. она станет меньше, чем она была в 2000 г. Для следующей группы 30–34-летних точкой перелома стал 2018 г. Итак, суммарная численность женщин 20–39 лет в России быстро уменьшается, и, соответственно, даже удержать нынешнее число рождений шансов практически нет, не говоря уже об его увеличении.

Изменение числа рождений обычно справедливо связывают с меняющимся числом вновь создающихся брачных пар и со сдвигами в брачной структуре населения. При этом исходят из того, что лица, находящиеся в браке, традиционно более склонны к рождению детей. В последние десятилетия в связи с массовым распространением супружеских союзов, не основанных на официальном браке (сожительств), жесткая связь рождаемости с тенденциями зарегистрированной брачности может быть поставлена под сомнение, на что, в частности, указывает высокая доля внебрачных рождений, которая в России находится на средневропейском уровне, — 22% в 2018 г. И все же подавляющее большинство российских рождений происходит в браке, поэтому число заключаемых браков и доля женщин в репродуктивных возрастах, состоящих в браке, сохраняют решающее значение для числа рождений.

Молодежь сегодня стремится заключать браки позднее, чем прежде, и, как правило, после 25 лет. Пока абсолютная численность мужчин и женщин в возрастах 25–34 лет в России находилась в фазе роста, число заключаемых браков увеличивалось, брачная структура населения также улучшалась с точки зрения репродуктивного потенциала, что положительно сказывалось на числе брачных рождений и рождаемости в целом.

Однако очевидно, что положительный потенциал для роста рождений, заключенный в возрастной и брачной структуре населения, практически исчерпан. Число браков уже начало снижаться, в первую очередь по причине уменьшения численности молодых бракоспособных людей, и в ближайшее десятилетие совокупное влияние структурных факторов на динамику числа рождений будет негативным.

4.2. Старение возрастной модели материнства в последние годы замедлялось

Прирост и убыль числа рождений в России были непропорциональны приросту и убыли числа женщин, так как одновременно изменялась интенсивность рождаемости в разных возрастах. Это объясняется тем, что в России с середины 1990-х годов идет «постарение» возрастного профиля рождаемости, что соответствует общемировой тенденции, возникшей в промышленно развитых странах в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Россия и ее соседи по Восточной и Центральной Европе присоединилась к ней с некоторым опозданием. На протяжении длительного времени в России наиболее высокой рождаемостью отличались женщины в возрасте 20–24 лет. Но в 1990-е годы, когда число женщин этого возраста увеличивалось, рождаемость у них быстро падала. С середины 90-х стала устойчиво увеличиваться рождаемость у женщин 30–34 лет, а с 2000 г. — у женщин 25–29 лет. В 2008 г. эта возрастная группа женщин впервые превзошла по уровню рождаемости группу 20–24 лет, и разрыв между ними стал нарастать. Рождаемость в возрастной группе 30–34 лет, увеличившись в 2,5 раза с конца 1990-х годов, не только превысила предыдущий пиковый уровень

1980-х, но и практически сравнялась с рождаемостью 20–24-летних.

Еще более высокими темпами увеличивалась рождаемость у женщин старше 35 лет — рост за полтора десятилетия более чем в 3,5 раза.

Рождаемость у женщин до 25 лет в 2000-х годах после лавинообразного снижения в 1990-х пережила десятилетний период стагнации, за которым последовало новое, достаточно интенсивное снижение после 2015 г. (рис. 4.1). Если бы не относительный провал в значениях коэффициентов в 2005–2006 гг., то специфику динамики коэффициентов рождаемости после начала действия новых стимулирующих мер демографической политики (введенных после 2006 г.) едва ли можно было бы заподозрить и в отношении коэффициентов рождаемости у женщин старше 25 лет. Для всех однолетних возрастных групп старше 25 лет с начала 2000-х наблюдался практически линейный тренд роста, остановившийся в 2015 г. В последние три года мы отмечаем снижение значений коэффициентов у 25–29-летних и стагнацию у 30–39-летних женщин, для 40-летних женщин положительный тренд пока сохраняется.

В результате увеличения рождаемости в старших возрастных группах и снижения в младших средний возраст материнства в России последовательно увеличивался. В середине 1990-х годов более раннее, чем в России, материнство можно было наблюдать только в Болгарии, на Украине и в Молдавии. И сегодня эти же страны, а также Белоруссия продолжают немного отставать от России в процессе перестройки возрастного профиля рождаемости, и все они, включая Россию, в свою очередь, отстают от стран Балтии, Восточной и Центральной Европы, начавших постарение материнства примерно в то же время, но более энергично проходящих этот путь.

Средний возраст материнства в 2018 г. составил 28,6 года, что выше не только значений, наблюдавшихся в 1990-х, когда они были минимальными за послевоенное время — ниже 25 лет, но и значений для 1970-х и 1980-х годов, когда они были около 26 лет (табл. 4.1). Для первых трех очередностей рождения средний возраст материнства по сравнению с первой половиной 1990-х годов увеличился примерно на 2,5–3 года.

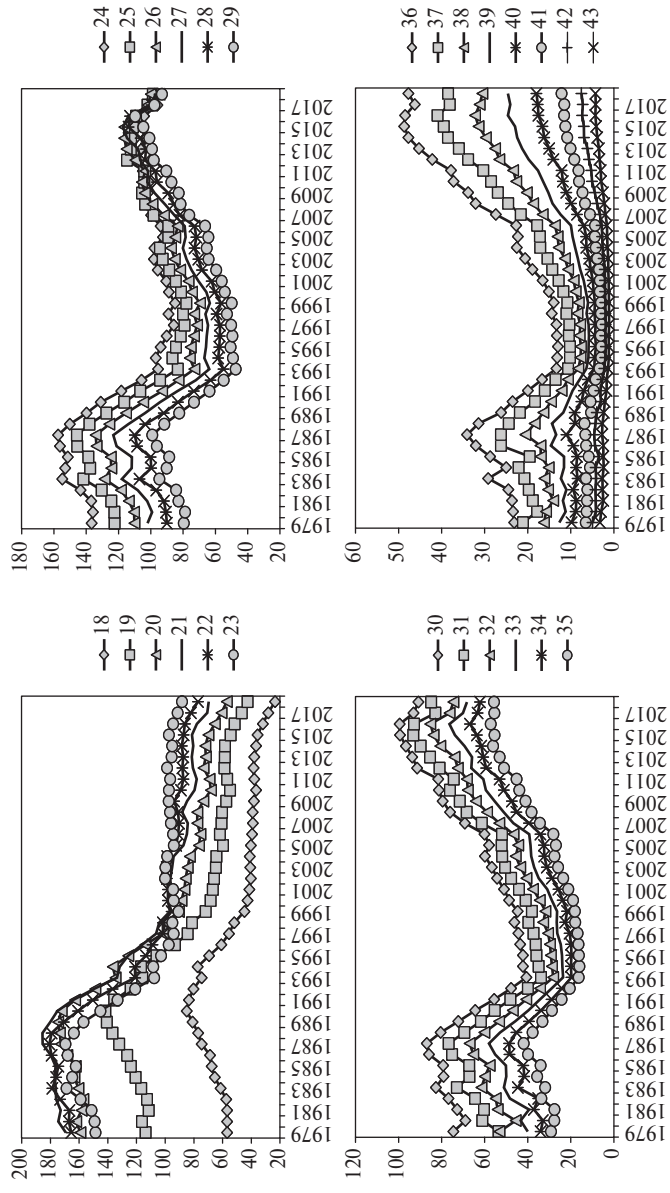

Рис. 4.1. Возрастные коэффициенты рождаемости для однолетних возрастных групп в расчете на 1000 женщин указанного возраста, Россия, 1979–2018 г.

Источник: Расчеты С.В. Захарова на основе неопубликованных данных Росстата.

Таблица 4.1. Средний возраст матери при рождении детей каждой очередности, Россия, 1970–1995, 1999–2018 гг., лет

Год	Все рождения	В том числе по очередности				
		Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие
1970	26,88	23,64	28,25	30,78	32,61	35,92
1975	26,38	23,29	27,77	30,78	32,70	36,00
1980	25,67	22,99	27,33	30,07	31,81	35,49
1985	25,78	22,92	27,13	30,03	31,56	34,71
1990	25,24	22,65	26,86	29,95	31,64	34,38
1995	24,79	22,67	26,91	29,85	31,55	34,29
1999*	25,57	23,29	27,70	30,68	32,30	34,53
2000*	25,76	23,54	27,88	30,88	32,49	34,57
2001*	25,93	23,66	28,21	31,13	32,60	34,53
2002*	26,12	23,75	28,41	31,26	32,75	34,74
2003*	26,27	23,85	28,61	31,41	32,77	34,78
2004*	26,39	23,96	28,77	31,51	32,99	34,85
2005*	26,53	24,10	28,92	31,60	33,01	34,97
2006*	26,61	24,20	29,04	31,69	33,11	34,99
2007*	26,96	24,33	29,14	31,76	33,18	35,01
2008*	27,18	24,44	29,30	31,94	33,34	35,16
2009*	27,38	24,67	29,44	32,02	33,34	35,07
2010*	27,65	24,90	29,55	32,19	33,41	35,09
2011*	27,69	24,91	29,49	32,16	33,42	35,06
2012	27,85	25,01	29,52	32,21	33,38	34,99
2013	27,98	25,19	29,54	32,22	33,38	34,93
2014	28,12	25,30	29,53	32,21	33,33	34,86
2015**	28,24	25,46	29,52	32,15	33,23	34,70
2016**	28,42	25,63	29,63	32,15	33,25	34,75
2017**	28,51	25,78	29,60	32,08	33,19	34,67
2018**	28,65	25,91	29,63	31,96	32,79	34,27

* Оценки для 1999–2011 гг. базируются на использовании неполных данных: только для территорий, которые сохраняли и предоставляли в Росстат разработку данных о рождениях одновременно по возрасту матери и очередности рождения. Подробную ежегодную динамику за 1980-е и 1990-е годы см.: Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 47.

** Без данных по Крыму.

Источники: Human Fertility Database (URL: <http://www.humanfertility.org>); расчеты С.В. Захарова на основе неопубликованных данных Росстата с использованием в качестве весов коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп.

Если еще несколько десятилетий назад общий уровень рождаемости в России формировался более чем на $1/2$ за счет репродуктивной активности самых молодых женщин до 25 лет, то сегодня женщины старше 25 лет обеспечивают более 70% величины коэффициента суммарной рождаемости, в том числе женщины старше 30 лет — около 40% его величины.

В то же время нельзя не заметить, что процесс повышения возраста материнства в России в последние годы замедлялся, особенно в сельской местности. После 2014 г. тенденция устойчивого увеличения среднего возраста матери сохранялась лишь при рождении первенцев, что и поддерживало повышение общего среднего возраста материнства, несмотря на стагнацию (или даже снижение) этого показателя для матерей при повторных рождениях детей (см. табл. 4.1).

Таким образом, процесс перестройки возрастного профиля рождаемости в России, активно протекавший в последние два десятилетия, обнаружил признаки замедления, что дает основания для предположения о перспективе уменьшения влияния изменений в календаре рождений (возрасте матерей, интервалов между рождениями) на величину итоговой рождаемости условных поколений (коэффициента суммарной рождаемости (КСР), представляющего собой сумму возрастных коэффициентов).

Практически это означает, во-первых, что величина КСР в ближайшие полтора-два десятилетия в отсутствие новых внешних воздействий не будет подвержена столь сильным колебаниям, как они наблюдались в 1980–2000-х годах (рис. 4.2), во-вторых, сама величина и тренд изменений КСР не будут сильно отличаться от величины и тренда для показателя итоговой рождаемости реальных поколений и, наконец, в-третьих, минимаксный коридор для КСР в перспективе, как минимум, на ближайшее десятилетие с большой уверенностью можно задать в пределах 1,4–1,8 рождения в расчете на одну женщину.

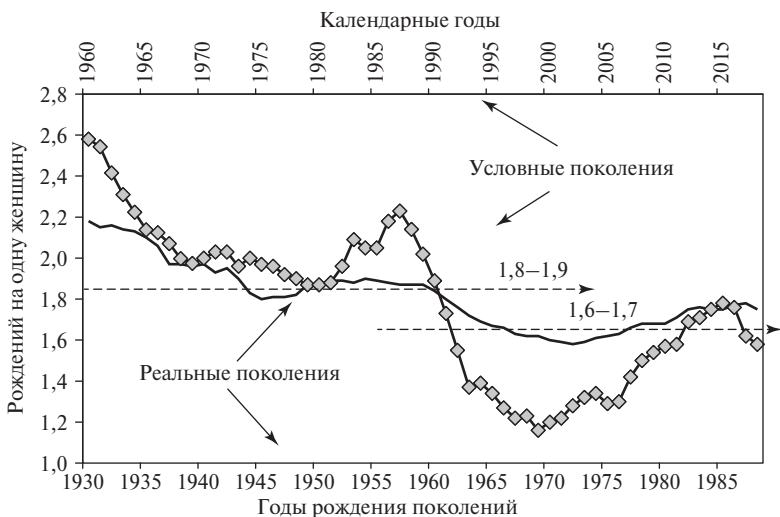

Рис. 4.2. Итоговая рождаемость условных поколений (коэффициент суммарной рождаемости для календарных лет 1960–2018 гг.) и реальных поколений (фактический и ожидаемый коэффициент суммарной рождаемости для когорт женщин, родившихся в 1930–1988 гг.), Россия

Источник: Расчеты С.В. Захарова на основе неопубликованных данных Росстата.

4.3. Проблема корректной оценки уровня рождаемости и интерпретация его изменений в России

В российском обществе, в экспертном сообществе, среди политиков и администраторов разного уровня широко обсуждаются значительные колебания КСР для календарных лет, или, иначе, показателя итоговой рождаемости условного поколения, математически представляющего собой сумму возрастных коэффициентов рождаемости для пяти- или одноступенчатых возрастных групп женщин в расчете на тысячу или на одну женщину¹. Особое внимание именно

¹ Коэффициент суммарной рождаемости (показатель итоговой рождаемости условного поколения) — широко распространенный индикатор, пока-

к этому показателю уделяется еще и потому, что он призван быть целевым индикатором в демографической политике российского государства, направленной на повышение рождаемости² (табл. 4.2).

В то же время для понимания того, что происходит сегодня с уровнем рождаемости в России (как, впрочем, и в других странах), важно не ограничиваться обычным коэффициентом суммарной рождаемости для календарных лет. Следует обратить пристальное внимание на другие показатели и характеристики рождаемости, разработанные профессиональными демографами для более корректной/объективной оценки текущего уровня рождаемости и его динамики. Тем более что КСР как интегральный индикатор уровня рождаемости подвергается все более жесткой критике со стороны международного экспертного сообщества за то, что в условиях трансформации возрастной модели рождаемости он способен вводить в заблуждение, о чем говорилось выше. Известно, что если возрастной профиль рождаемости в развитых странах и в России быстро меняется и происходят значимые подвижки у матерей в интервалах между рождениями, то оценка текущего уровня рождаемости на основе традиционного КСР, не учитывающего массовых сдвигов в календарях рождений, может быть не вполне корректной, а интерпретация изменений в уровне рождаемости на его основе — ошибочной³. Кроме того, большое зна-

ывающий среднее ожидаемое число рожденных детей в расчете на одну женщину к возрасту 50 лет, если на протяжении не менее трех десятилетий не будут изменяться возрастные коэффициенты рождаемости, наблюдаемые в расчетный год. Фактически речь идет о модели рождаемости, в которой от поколения к поколению не меняются ни интенсивность деторождения, ни календарь рождений (возраст материнства, интервалы между родами).

² Коэффициент суммарной рождаемости обозначен в качестве целевого показателя в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (2006), в указах Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации», от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и других документах, определяющих направления демографической и семейной политики в России. См.: URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299>; <http://base.garant.ru/70170932/>; <http://kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1>.

³ *Соботка Т., Луцк В.* Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы: не следует ли отказаться от использования // Экономический журнал ВШЭ. 2011. Т. 15. № 4. С. 444–471.

Таблица 4.2. Возрастные коэффициенты и коэффициент суммарной рождаемости, Россия, 1970–2018 гг.

Год	На 1000 женщин в возрасте, лет							КСР5*	КСР1**
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49		
1970	28,9	151,7	104,0	68,7	31,9	8,7	1,0	1,97	1,99
1971	30,3	155,6	108,4	68,2	32,4	8,1	0,7	2,02	2,02
1972	31,1	155,2	114,3	66,4	33,0	7,9	0,7	2,04	2,03
1973	32,0	153,0	108,6	61,7	31,2	7,4	0,6	1,97	1,96
1974	34,3	157,0	112,1	58,4	30,5	7,3	0,6	2,0	1,99
1975	34,8	157,3	109,3	56,6	28	7,2	0,6	1,97	1,97
1976	36,3	158,7	108,8	55,9	25,3	7,2	0,5	1,96	1,95
1977	37,8	156,0	106,6	58,7	23,2	6,9	0,5	1,95	1,92
1978	39,7	155,9	105,8	56,3	20,4	6,3	0,4	1,92	1,9
1979	42,0	155,8	101,2	54,1	18,5	5,6	0,4	1,89	1,87
1980	43,8	157,8	100,8	52,1	17,4	4,9	0,4	1,89	1,86
1981	43,5	157,2	103,5	53,6	19,1	4,5	0,4	1,91	1,89
1982	44,1	161,7	107,9	56,6	23,1	4,3	0,4	1,99	1,96
1983	45,6	167,8	118,2	62,8	24,4	3,9	0,3	2,12	2,09
1984	46,7	166,7	112,9	59,8	23,8	3,6	0,3	2,07	2,05
1985	47,2	165	113,0	59,7	23,3	3,6	0,3	2,06	2,05
1986	47,1	169,8	121,1	66,3	26,7	4,8	0,3	2,18	2,18
1987	48,7	172,5	122,2	67,7	27,8	6,2	0,2	2,23	2,23
1988	49,3	169,7	114,0	61,8	25,5	5,7	0,3	2,13	2,14
1989	52,1	163,9	103,1	54,6	22,0	5,0	0,2	2,01	2,02
1990	55,0	156,5	93,1	48,2	19,4	4,2	0,2	1,88	1,89
1991	54,2	145,9	82,7	41,5	16,5	3,7	0,2	1,72	1,73
1992	51,0	133,8	72,8	35,0	14,0	3,2	0,2	1,55	1,55
1993	47,3	119,1	63,7	28,8	11,0	2,5	0,2	1,36	1,37
1994	49,0	119,3	66,7	29,4	10,6	2,3	0,1	1,39	1,40
1995***	44,8	112,7	66,5	29,5	10,6	2,2	0,1	1,33	1,34
1996***	38,9	105,5	65,5	30,1	10,8	2,3	0,1	1,27	1,27
1997***	35,8	98,0	64,8	31,2	10,8	2,2	0,1	1,21	1,22
1998***	33,5	98,1	66,7	33,1	11,5	2,3	0,1	1,23	1,23
1999***	28,9	91,8	63,7	32,2	11,1	2,2	0,1	1,15	1,16
2000***	27,4	93,6	67,3	35,2	11,8	2,4	0,1	1,19	1,20

Окончание табл. 4.2

Год	На 1000 женщин в возрасте, лет							КСР5*	КСР1**
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49		
2001***	27,3	93,1	70,2	38,0	12,9	2,4	0,1	1,22	1,22
2002***	27,3	95,3	74,8	41,6	14,6	2,6	0,1	1,28	1,29
2003***	27,6	95,1	78,3	44,1	16,0	2,7	0,1	1,32	1,33
2004	28,2	94,2	80,1	45,8	17,6	2,9	0,1	1,34	1,35
2005	27,4	88,4	77,8	45,3	17,8	3,0	0,2	1,30	1,29
2006	28,2	87,8	78,4	46,6	18,6	3,1	0,2	1,31	1,31
2007	28,3	89,5	86,9	54,1	22,7	3,9	0,2	1,43	1,42
2008	29,3	91,2	92,4	60,0	25,8	4,6	0,2	1,52	1,50
2009	28,7	90,5	95,9	63,6	27,6	5,2	0,2	1,56	1,54
2010	27,0	87,5	99,2	67,3	30	5,9	0,3	1,59	1,57
2011	27,4	88,0	99,5	67,8	31,1	6,2	0,3	1,6	1,58
2012	27,4	91,2	106,6	74,3	34,9	7,0	0,3	1,71	1,69
2013	26,7	89,9	107,5	76,2	36,8	7,4	0,4	1,72	1,71
2014	26,1	89,6	110,1	79,9	39,0	8,1	0,4	1,77	1,75
2015****	24,1	89,9	112,6	83,1	39,8	8,3	0,5	1,79	1,78
2016****	21,6	87,0	111,4	84,5	41,0	8,8	0,5	1,77	1,76
2017****	18,5	81,2	100,0	77,3	39,2	8,7	0,5	1,63	1,62
2018****	16,2	78,4	96,4	76,2	39,7	8,9	0,6	1,58	1,58

* КСР5 — коэффициент суммарной рождаемости (ожидаемая итоговая величина рождаемости для поколения, вступившего в деторождение в расчетном году), рассчитанный как сумма пятилетних возрастных коэффициентов, представленных в таблице.

** КСР1 — коэффициент суммарной рождаемости для условного поколения, рассчитанный как сумма однолетних возрастных коэффициентов, дающий более точную оценку ожидаемой величины итоговой рождаемости по сравнению с КСР5.

*** Без Чеченской Республики, в которой учет демографических событий в 1995–2003 гг. отсутствовал или был далеко не полным.

**** Без данных по Крыму.

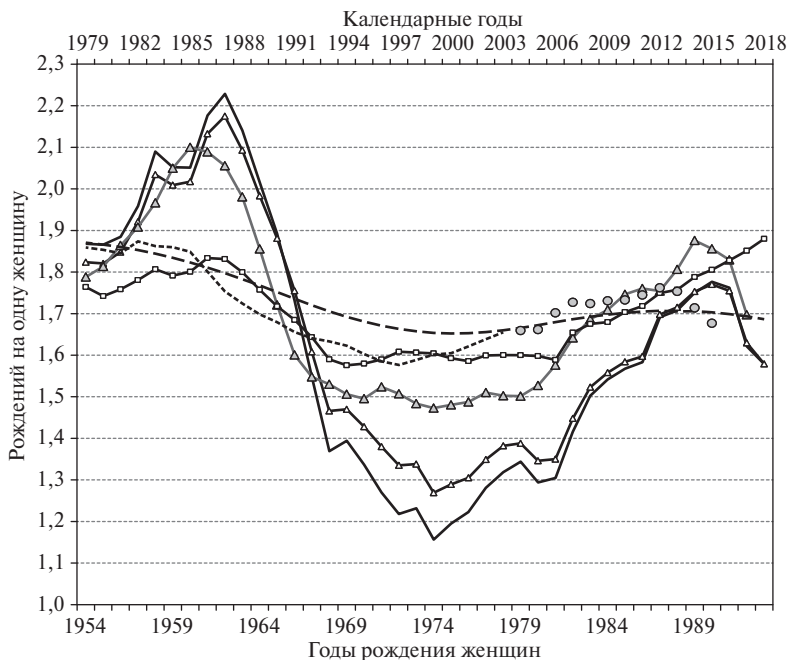
Источники: Human Fertility Database; расчеты С.В. Захарова на основе неопубликованных данных Росстата.

чение имеет факт постоянства или изменчивости интервалов времени, разделяющих рождения детей различной очередности, что также относится к характеристике тайминговой модели рождаемости. Особенно критичным для индикаторов рождаемости условных поколений в российских условиях низкой рождаемости является изменение на массовом уровне среднего интервала между первым и вторым ребенком. Чем длиннее интервал (темпы формирования семей замедляются), тем при прочих равных условиях следует ожидать негативный эффект — показатели итоговой рождаемости условных поколений будут занижены против «истинного» уровня рождаемости. Соответственно, чем короче интервалы (темпы формирования семей ускоряются), тем более вероятно, что показатели уровня рождаемости для условных поколений будут искусственно завышены. Последнюю ситуацию мы и наблюдаем в современной России вследствие инициатив государства, направленных на повышение рождаемости.

Рассмотрим изменения в России различных статистических показателей, призванных оценивать уровень итоговой рождаемости женщин (к возрасту 50 лет), в том числе минимизирующих влияние изменений в календаре рождаемости, в сравнении с характеристиками рождаемости для реальных поколений (женщин по году рождения), служащими главным критерием долгосрочной значимости происходящих сдвигов.

На рис. 4.3 показаны различные индикаторы итоговой рождаемости в России за 1979–2018 гг., которые можно рассчитать на основе российской официальной статистики с использованием современных методов демографического анализа.

Традиционный и широко известный показатель — КСР, который уже рассматривался нами в предыдущих разделах, — демонстрирует рост после 1999 г., когда был достигнут исторический минимум (исключение в тенденции — 2005 г.). Формально рассуждая, данные за 2007–2015 гг. прекрасно вписываются в тренд, обозначившийся с 2000 г. Мы не наблюдаем особого нарушения тенденции после 2006 г., которое можно было бы связать с началом политики активного стимулирования рождаемости. Правда, для большей уверенности в справедливости данного утверждения следует проигнорировать провал в значениях КСР, зафиксированный в 2005–2006 гг., причины которого не привлекали особого внимания и потому не изучены.

- PTFR (обычный КСР для календарных лет)
- △ Parity-adjPTFR (КСР, полученный на основе таблиц рождаемости с учетом очередности рождений)
- Age-adjPTFR (КСР, скорректированный по методу Бонгаартса—Фини)
- Mean Birth Order (СОР — средняя взвешенная очередность рождения с возрастными коэффициентами рождаемости в качестве весов)
- Coh_StPTFR (КСР, стандартизованный на основе STFR_act и STFR_exp и возрастного профиля рождаемости для когорты 1985 года рождения, взятого в качестве стандарта)
- STFR_act (фактическая итоговая рождаемость реальных поколений)
- STFR_exp (ожидаемая итоговая рождаемость поколений в предположении сохранения изменений вероятностей рождения очередного ребенка с возрастом, наблюдаемых в 2016–2018 гг.)

Рис. 4.3. Различные индикаторы итоговой рождаемости условных и реальных поколений в России, 1979–2018 — календарные годы, 1954–1990 — годы рождения женских поколений

Источник: Расчеты С.В. Захарова на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата.

В последнее время в международной практике получил распространение метод коррекции традиционного КСР, учитывающий изменения средних возрастов женщин при рождении детей каждой очередности (метод Бонгаартса—Фини, или В—F-метод⁴). Коэффициент суммарной рождаемости, скорректированный В—F-методом, для России был рассчитан нами для периода 1979—2018 гг., сглажен методом пятилетней скользящей средней (см. рис. 4.3).

Учитывая проблемы, возникающие с интерпретацией изменений КСР в условиях изменения возрастного профиля рождаемости (в сторону «омоложения» или «постарения»), полезно также обратиться к такому структурному показателю рождаемости, как средняя очередность рождения (СОР)⁵. Эта характеристика для оценки ожидаемого среднего числа когда-либо рожденных детей более устойчива к конъюнктурным воздействиям по сравнению с обычным КСР и лучше отражает ожидаемый уровень итоговой рождаемости реальных поколений (см. рис. 4.3).

Не нужно забывать, что все перечисленные показатели относятся к условным (гипотетическим) поколениям и, следовательно, отвечают на вопрос: каким можно ожидать величину итоговой рождаемости поколений, вступающих сегодня в детородный возраст (для женщин, достигших 15 лет), если на протяжении их репродуктивной жизни не будут меняться КСР, возрастные коэффициенты рождаемости и средние возраста женщин при рождении детей (КСР, скорректированный В—F-методом), структура рождений по очередности (СОР). Понятно, что соблюдение столь жестких условий, связанных с постоянством календаря рождений и неизменностью распределения женщин по числу рожденных детей

⁴ *Соботка Т., Луц В.* Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы...

⁵ Напомним, что СОР — показатель, рассчитываемый как средняя арифметическая взвешенная величина биологического порядка рождений у матери, фиксируемого при официальной регистрации рождения, весами для которого служат коэффициенты суммарной рождаемости для каждой очередности рождения. Для реальных поколений СОР равна средней величине итоговой (суммарной) рождаемости поколения. Для условных поколений расхождения между СОР и КСР могут иметь место в случае резких изменений в календаре рождений и (или) изменений в доле окончательной бездетности. Так, в случае «омоложения» рождаемости $СОР < КСР$, а при «постарении» — $СОР > КСР$.

у реальных поколений на протяжении, как минимум, 15–20 лет (период активной репродуктивной жизни), на практике встречается редко.

Преобразование данных текущего учета рождений в распределения рождений для реальных поколений женщин, родившихся в том или ином году, позволяет оценить показатели итоговой рождаемости реальных поколений, которые свободны от влияния изменений в календаре рождений. Остается, правда, проблема с оценкой итоговой рождаемости для поколений, которые по возрасту еще далеки от завершения своей репродуктивной биографии.

В международной практике принято, что для реальных поколений, достигших к моменту наблюдения 30–35 лет, допустимо ожидать, что в современных условиях коэффициенты рождаемости после этого возраста будут не ниже, чем возрастные коэффициенты для условного поколения, которые мы наблюдаем в расчетном году. Тогда для всех поколений женщин до 1970 года рождения мы имеем дело с исчерпанной рождаемостью, для поколений 1970–1979 годов рождения располагаем весьма надежной оценкой ожидаемой итоговой рождаемости (с ошибкой менее 5%), а для поколений 1980–1990 годов рождения наши оценки также будут достаточно надежными (ошибка — не более 10%). Если производить регулярные оценки, учитывающие меняющиеся год от года возрастные коэффициенты рождаемости, можно получить динамическую картину последовательных изменений в оценках и «фактического», и «ожидаемого» компонентов итоговой рождаемости для одного и того же поколения, а следовательно, и их суммарного значения. В последние десятилетия в развитых странах и России происходит увеличение рождаемости у женщин старше 25 и даже старше 35 лет, и до тех пор, пока наблюдается это увеличение, ожидаемые оценки итоговой рождаемости будут пересматриваться в сторону повышения не только для самых молодых поколений, но и для представительниц старших когорт с растущим вкладом поздней рождаемости. Кроме того, на соотношение фактически реализованного и ожидаемого компонентов итоговой рождаемости для когорт, находящихся в возрастах максимальной репродуктивной активности, влияет изменение социально-экономических условий принятия решений о рождении очередного ребенка на массовом уровне. Так, вводимые время от времени меры демо-

графической политики способны временно дестабилизировать календарь рождений, что скажется на ожидаемом компоненте итогового показателя рождаемости когорты. Однако совсем не обязательно, что эти подвижки в календаре рождений в конце концов приведут к изменению фактически реализованной итоговой рождаемости поколения к моменту выхода его представителей из репродуктивного возраста.

Высказанные соображения иллюстрируют данные, представленные в табл. 4.3. Итак, при фиксированных возрастных коэффициентах рождаемости на уровне 2018 г. для поколений, достигших 25 лет и старше, к 2018 г. перспектива стабилизации итоговой рождаемости реальных поколений в России на уровне 1,7 выглядит вполне обоснованной. Отталкиваясь от последних полных данных, имеющихся в нашем распоряжении, можно утверждать, что поко-

Таблица 4.3. Фактическая и перспективная рождаемость реальных поколений в России, женщины 1955–1994 годов рождения

Годы рождения женщин	Итоговое число рождений — оценка на основе данных			Оценка на основе данных 2018 г.		
	1999 г.	2006 г.	2015 г.	Фактически рождено к 2018 г., детей на одну женщину	Ожидается рождений дополнительно к уже рожденным	Итоговое число рождений
1960–1964	1,75	1,76	1,76	1,76	0,00	1,76
1965–1969	1,58	1,63	1,64	1,64	0,00	1,64
1970–1974	1,40	1,52	1,60	1,59	0,01	1,60
1975–1979	1,23	1,43	1,65	1,62	0,03	1,65
1980–1984	1,16	1,33	1,73	1,56	0,17	1,73
1985–1989	—	—	1,79	1,25	0,50	1,75
1990–1994	—	—	1,78	0,71	0,96	1,67

Источник: Расчеты С.В. Захарова, основанные на данных переписей населения (результатах ответов на вопрос о числе рожденных детей) и возрастных коэффициентах рождаемости для однолетних возрастных групп в 1979–2018 гг.

ления 1960-х годов рождения, уже завершившие к 2018 г. процесс деторождения, пережили статистически заметное снижение рождаемости — женщины, родившиеся в первой половине 1960-х годов, произвели на свет в среднем 1,76 ребенка, а те, кто родился во второй половине 1960-х, — 1,64 ребенка в расчете на одну женщину. Снижение было продолжено в когортах первой половины 1970-х годов рождения — их окончательный результат будет 1,60 рождения. Поколения 1980-х годов рождения с высокой вероятностью продемонстрируют итоговую рождаемость на уровне 1,73–1,75, т.е. имеют все шансы приподнять показатель итоговой рождаемости примерно на 0,1 рождения в среднем на одну женщину против поколений 1960-х годов рождения. Однако следующие поколения, 1990-х годов рождения, вероятно, вновь слегка понизят результирующие показатели — до 1,67 рождения на одну женщину, что практически повторяет на среднем уровне результаты их матерей, родившихся в 1960-х годах.

Снижение интенсивных показателей рождаемости в 2016–2018 гг. заметно отразилось и на фактическом, и на ожидаемом компонентах итоговой рождаемости поколений второй половины 1980-х — первой половины 1990-х годов. Если с опорой на данные 2015 г. (год с самым высоким значением КСР за последние десятилетия) для когорты 1985–1989 годов рождения итоговую рождаемость можно было ожидать на уровне 1,79; то, отталкиваясь от данных 2018 г., — 1,75; для когорты 1990–1994 годов рождения соответствующие значения — 1,78 и 1,67 рождения на одну женщину (см. табл. 4.3).

Несколько иной подход к экстраполяции итоговой рождаемости когорт, еще не вышедших из детородного возраста, был реализован в Институте демографии НИУ ВШЭ. Он основан на моделировании темпов изменения функций вероятностей родить очередного ребенка с возрастом для женщин старше 25 лет на основе наблюдаемых значений для условных поколений в последние годы. Следует отметить, что кривые, описывающие темпы изменений с возрастом вероятностей рождения ребенка каждой очередности для женщин после 25 лет, т.е. для женщин, достигших или преодолевших пиковые значения коэффициентов рождаемости, демонстрируют достаточно высокую устойчивость во времени и с легкостью поддаются описанию с помощью сплайн-функций 3–5-го порядка.

При таком, по нашему мнению, более обоснованном подходе усредненные значения итоговой рождаемости для поколений женщин 1970–1974 годов рождения составили 1,58; 1975–1979 годов рождения — 1,63; 1980–1984 годов рождения — 1,70; 1985–1989 годов рождения — 1,73. В сравнении с оценками, полученными более традиционным способом, основанным на замораживании текущих возрастных коэффициентов рождаемости, ожидаемые значения итоговой рождаемости поколений, полученные с использованием моделирования возрастных функций вероятностей рождения, выглядят более консервативно, но не отличаются принципиальным образом — полученные значения ниже всего лишь на 0,02–0,03 рождения в расчете на одну женщину.

На рис. 4.3 были представлены наши оценки итоговой рождаемости реальных поколений российских женщин 1954–1990 годов рождения (фактические для поколений, завершивших деторождение, и ожидаемые для младших когорт, полученные на основе моделирования возрастных функций вероятностей рождения очередного ребенка, наблюдаемых в 2016–2018 гг.).

В специальной и учебной литературе предлагается особый метод стандартизации КСР для календарных лет, нивелирующий влияние изменчивости в календарях рождений⁶. Метод основан на учете показателей итоговой рождаемости реальных поколений (только фактических или фактических, дополненных ожидаемыми показателями) и использовании стандартного возрастного профиля рождаемости (например, некоторого поколения с завершенной репродуктивной биографией). Этот показатель с использованием возрастного профиля рождаемости поколения российских женщин 1985 года рождения также представлен на рис. 4.3.

Как уже было отмечено, возрастная модель рождаемости за последние десятилетия сильно изменилась: на место островершинного, высококонцентрированного распределения с пиком в 20–22 года, характерного для поколений женщин, родившихся в 1960-х годах, пришло распределение с неявным статистическим эксцессом, с высокой статистической дисперсией возрастов женщин при рождении ребенка, отмечаемых в поколениях женщин 1980-х годов рождения (рис. 4.4). Можно было бы предположить,

⁶ Preston S.H., Heuveline P., Guillot M. Demography: measuring and modeling population processes. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2001. P. 103.

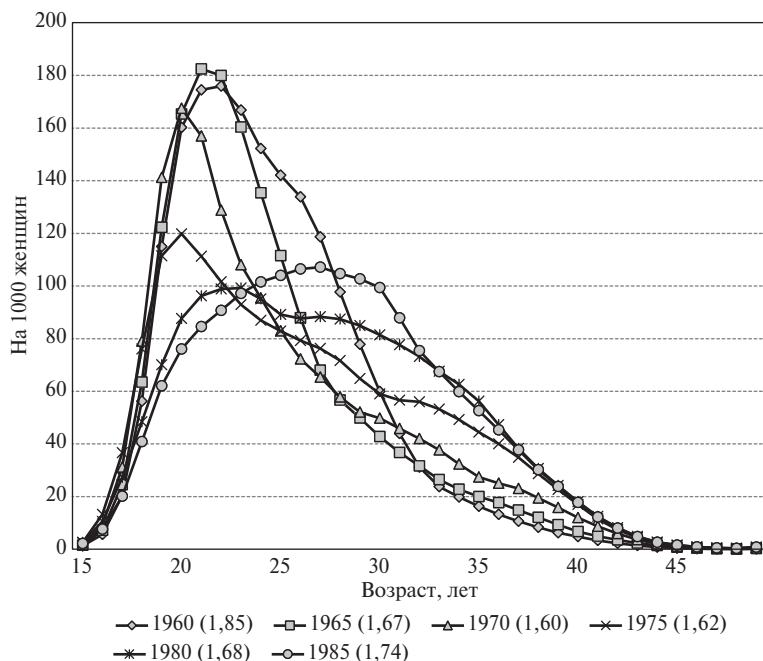

Рис. 4.4. Фактические и ожидаемые возрастные коэффициенты рождаемости, Россия, женщины 1960–1985 годов рождения, на 1000 женщин

Примечание. В скобках — значения итоговой рождаемости к возрасту 50 лет: фактические — для женщин 1960–1970 годов рождения и ожидаемые — для женщин 1975–1985 годов рождения.

Источник: Расчеты С.В. Захарова на основе Human Fertility Database и неопубликованных данных Росстата.

что, принимая за стандарт столь разные возрастные профили рождаемости, мы будем получать существенно различающиеся значения стандартизованного коэффициента суммарной рождаемости. В действительности выбор возрастного профиля рождаемости не сильно влияет на величину и, самое главное, на тенденцию изменений стандартизованного коэффициента рождаемости (см. рис. 4.5, на котором демонстрируется динамика коэффициентов суммарной рождаемости в России при различных стандартных воз-

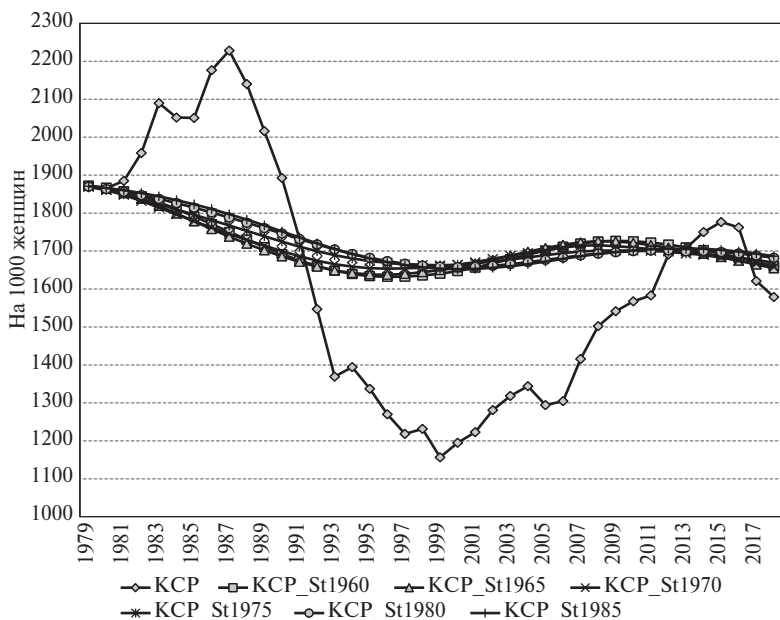

Рис. 4.5. Обычный коэффициент суммарной рождаемости и стандартизованный коэффициент, полученный с использованием значений итоговой рождаемости реальных поколений женщин 1930–1990 годов рождения (фактических и ожидаемых) и различных возрастных профилей рождаемости, принятых за стандарт, Россия, 1979–2018 гг., на 1000 женщин

Примечание. За стандарт последовательно принимались фактические возрастные профили рождаемости женщин, родившихся в 1960, 1965, 1970 гг., и ожидаемые возрастные профили — для женщин 1975, 1980, 1985 годов рождения (см. рис. 4.4), находившихся в 2018 г. в возрастах от 33 до 43 лет.

Источник: Расчеты С.В. Захарова на основе Human Fertility Database и неопубликованных данных Росстата.

растных профилях, характеризующих поколения женщин 1960–1985 годов рождения).

Подведем итоги. О чем свидетельствует сравнение показателей, призванных оценивать уровень итоговой рождаемости для условных и реальных поколений?

Во-первых, чем более корректно показатель учитывает изменения календаря рождений, тем меньший размах колебаний по годам мы фиксируем. Так, если для привычного для всех КСР размах колебаний составил 1,07 рождения в среднем на одну женщину за 1979–2018 гг. и 0,62 за 1999–2018 гг., то размах колебаний значительных индикаторов, так или иначе базирующихся на фактических и ожидаемых показателях для реальных поколений, был менее 0,3 рождения в расчете на одну женщину для всего периода с 1979 по 2018 г. и не более 0,1 рождения за 1999–2018 гг. (табл. 4.4).

Таблица 4.4. Минимальные, максимальные и средние значения различных показателей, используемых для оценки текущего уровня рождаемости, Россия, 1979–2018 и 1999–2018 гг.

Показатель	Минимум за период	Максимум за период	В среднем за период	Размах колебаний (максимум минус минимум)
<i>1979–2018 гг.</i>				
Обычный КСР	1,16	2,23	1,62	1,07
Табличный КСР (учитывает очередность рождения)	1,27	2,17	1,65	0,91
КСР, скорректированный по методу Бонгаарта–Финни	1,47	2,10	1,71	0,63
СОР	1,56	1,88	1,70	0,30
КСР, стандартизованный с учетом показателей итоговой рождаемости реальных поколений и возрастного профиля рождаемости когорты 1985 года рождения	1,65	1,87	1,73	0,22
Фактическая и ожидаемая итоговая рождаемость реальных поколений 1954–1990 годов рождения	1,58	1,87	1,71	0,29

Окончание табл. 4.4

Показатель	Минимум за период	Максимум за период	В среднем за период	Размах колебаний (максимум минус минимум)
<i>1999–2018 гг.</i>				
Обычный КСР	1,16	1,78	1,48	0,62
Табличный КСР (учитывает очередность рождения)	1,27	1,77	1,51	0,50
КСР, скорректированный по методу Бонгаартса–Финни	1,47	1,88	1,65	0,40
СОР	1,59	1,88	1,69	0,29
КСР, стандартизованный с учетом показателей итоговой рождаемости реальных поколений и возрастного профиля рождаемости когорты 1985 года рождения	1,65	1,71	1,68	0,05
Фактическая и ожидаемая итоговая рождаемость реальных поколений 1954–1990 годов рождения	1,66	1,76	1,71	0,10

Источник: Расчеты С.В. Захарова на основе неопубликованных данных Росстата.

Во-вторых, как мы уже ранее многократно отмечали⁷, СОР из всех указанных показателей, базирующихся исключительно на методологических принципах условного поколения, наиболее корректно оценивает уровень рождаемости поколений, находившихся в репродуктивных возрастах в целом за весь рассматриваемый период 1979–2018 гг. (см. табл. 4.4). Однако в самые последние годы его динамика требует специальных комментариев, по-

⁷ См., например: Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 153–156.

скольку пришла в противоречие не только с обычным и табличным КСР, с КСР, скорректированным по методу Бонгаарта—Финни, но и с наиболее корректными показателями, основанными на характеристиках рождаемости реальных поколений. Так, в 2016—2018 гг. КСР интенсивно снижался, а СОР продолжила рост, продолжая тренд с 2007 г. Объяснение, видимо, лежит, во-первых, в том, что СОР не учитывает усилившееся в последнее десятилетие в России снижение вероятности рождения первого ребенка (показатель по определению оценивает среднюю очередность рожденного ребенка) и, во-вторых, СОР находится под влиянием сокращения интервалов между рождениями, особенно заметных между первым и вторым ребенком у матерей (см. ниже). Чем более высокие темпы формирования семей под воздействием пронаталистской политики мы наблюдаем, что характерно для последнего десятилетия в России, тем скорее можно ожидать, что показатели для условных поколений, не исключая и СОР, вводят наблюдателя в заблуждение, искусственно завышая истинный уровень рождаемости.

В-третьих, средний уровень итоговой рождаемости поколений в России как за последние четыре десятилетия, так и за последние два десятилетия не слишком изменился, несмотря на большие колебания, демонстрируемые обычным КСР — наиболее распространенным показателем, призванным оценивать текущий уровень рождаемости и, как уже говорилось, являющимся целевым индикатором российской демографической политики. «Истинный» текущий средний уровень рождаемости женщин, участвовавших в воспроизводстве населения России в период с 1979 по 2018 г., составил 1,7 живорождения в расчете на одну женщину при весьма незначительных колебаниях по годам и периодам (см. табл. 4.4).

Перепады в величине обычного КСР для календарных лет определялись почти исключительно меняющимися темпами формирования семей, или, иначе, существенными подвижками в календарях рождений у россиян 1960-х — 1980-х годов рождения, как в силу долговременных изменений (переход к более позднему браку и началу деторождения), так и под воздействием меняющейся социально-экономической и политической конъюнктуры, влиявшей на скорость трансформации возрастного профиля рождаемости и на величину интервалов между рождением детей. Так, соци-

ально-экономические трудности в 1990-х годов подталкивали россиян к замедлению темпов формирования семей. Напротив, активизация семейной политики в 1980-х и политики по стимулированию рождаемости после 2006 г. приводила к укорачиванию интервалов между появлением детей первой и второй очередностей. Наглядным подтверждением изменчивости величины интервалов между рождениями у россиянок в последние десятилетия может служить разница между средними возрастными матерей при рождении первого и второго ребенка, полученная на основе построения специальных вероятностных таблиц рождаемости с учетом очередности рождения для условных и реальных поколений⁸. Видимо, в последнее десятилетие величина среднего интервала между первым и вторым рождением не только быстро уменьшалась, но и стремилась к исторически рекордным низким значениям, как это показывают ожидаемые значения, полученные и из таблицы рождаемости для условных, и из таблиц для реальных поколений (рис. 4.6).

Один из принципиальных выводов, который следует из использования более корректных показателей для оценки уровня рождаемости, рассмотренных выше, заключается в том, что нет оснований свидетельствовать в пользу высокой эффективности мер демографической политики, развиваемых российским государством после 2006 г. и направленных на повышение («стимулирование») рождаемости. Такой вывод поддерживается и результатами последних опросов мнений населения о желаемом и ожидаемом числе детей (табл. 4.5).

⁸ Этот показатель не следует смешивать со средним возрастом женщины при рождении детей по очередности рождения, приведенным в табл. 4.1. Разница между ними заключается в том, что для расчета табличного среднего возраста матери при рождении очередного ребенка используются не обычные возрастные коэффициенты рождаемости (когда в качестве знаменателя принята общая численность женщин в данной возрастной группе безотносительно к тому, сколько детей она родила), а коэффициенты рождаемости, при расчете которых используется число женщин, находящихся под риском рождения очередного ребенка. Так, например, для расчета табличного среднего возраста матери при рождении первого ребенка весами служат возрастные коэффициенты рождаемости для первых рождений, определенные относительно ни разу не рожавших женщин, а для расчета среднего возраста при рождении второго ребенка — возрастные коэффициенты для женщин родивших первого ребенка, но не родивших третьего по биологическому порядку, и т.д.

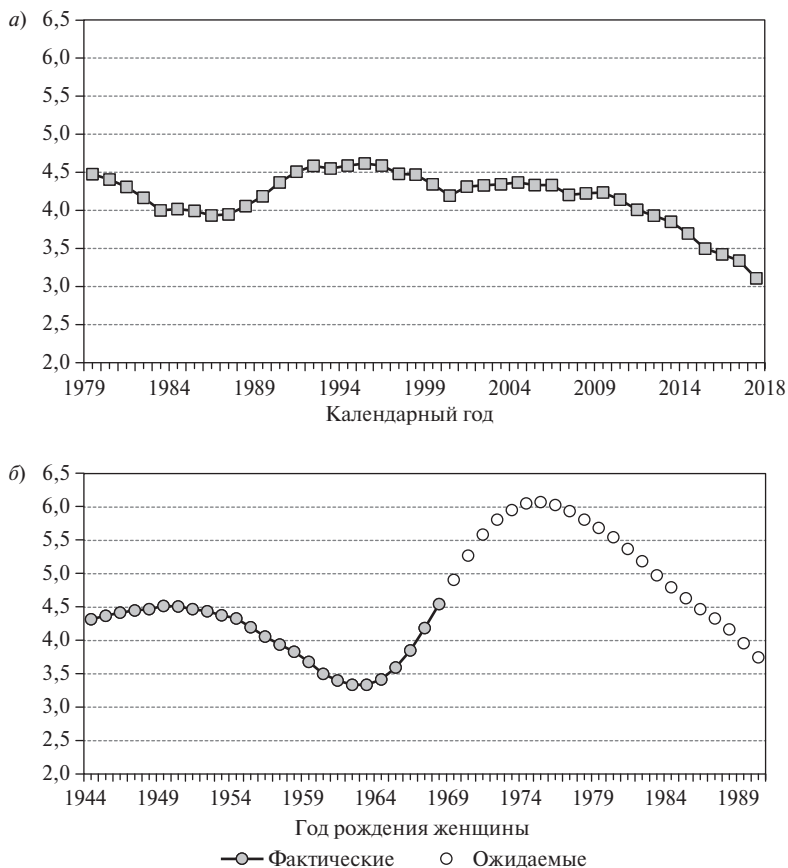

Рис. 4.6. Разница между табличными средними возрастными женщинами при рождении детей второй и первой очередности, полученная на основе специальных таблиц рождаемости с учетом очередности рождений для календарных лет, 1979–2018 г. (а) и для реальных поколений, женщины 1944–1990 годов рождения (б), Россия, лет

Источник: Расчеты С.В. Захарова на основе Human Fertility Database и неопубликованных данных Росстата.

Таблица 4.5.

Распределение респондентов обого пола по числу желаемых и ожидаемых детей согласно результатам опросов Левада-Центра в июне 2005 г. и октябре 2019 г. в сравнении с распределениями женщин по числу рожденных детей в соответствии со специальными таблицами рождаемости для поколения женщин 1988 года рождения* и условных поколений 2015 и 2018 гг.

Число детей	Доля респондентов, указавших данное число детей**, %				Доля женщин, которые фактически родят данное число детей в поколении 1988 года рождения	Ожидаемое распределение женщин по числу когда-либо рожденных детей в соответствии со специальными таблицами рождаемости	
	желаемых		ожидаемых			Таблица 2015 г.	Таблица 2018 г.
	Июнь 2005	Октябрь 2019	Июнь 2005	Октябрь 2019			
0	3	2	10	10	16	16	21
1	11	12	24	29	27	27	29
2	46	43	48	42	36	36	32
3	29	27	13	14	14	15	12
4	4	5	3	2	3	3	2
5 и более	6	10	2	3	4	4	4
В среднем	2,46	2,62	1,83	1,82	1,74	1,75	1,56

* Данное поколение к 2019 г. достигло 30 лет и, соответственно, еще не завершило деторождение. Для получения итогового распределения женщин по числу детей к возрасту 50 лет была использована экстраполяция, основанная на моделировании возрастных функций вероятностей рождения детей каждой очередности на основе специальных таблиц рождаемости для календарных лет за 2016–2018 гг.

** Приведенные распределения учитывают только респондентов, давших определенные ответы (т.е. без тех, кто отказался или затруднился ответить на вопросы о желаемом и ожидаемом числе детей).

Источники: Голов А. Число детей определяют взрослые. Левада-Центр. Пресс-выпуск. 22.08.2005. URL: <https://www.levada.ru/2005/08/22/a-golov-chislo-detej-opredeleyut-vzroslye/>; Желаемое и ожидаемое число детей. Левада-Центр. Пресс-выпуск. 25.11.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/zhelaemoe-i-ozhidaiemoe-chislo-detej/>.

Сравним результаты двух опросов населения об ожидаемом числе детей: первый был проведен летом 2005 г., т.е. до обнародования планов государства о начале политики активного поощрения рождаемости, а второй — в 2019 г., т.е. спустя 12 лет после начала программы материнского капитала и прочих инициатив в области демографической политики. Фиксируемые сдвиги — совсем не в пользу проводимой политики⁹.

Во-первых, среднее число ожидаемых детей в лучшую сторону не изменилось и даже слегка снизилось с 1,83 в 2005 г. до 1,82 в 2019 г. (см. табл. 4.5). Но такие изменения не выходят за границы точности оценивания, и потому правильнее говорить об отсутствии сдвигов. В то же время, что более важно отметить, доля респондентов, собирающихся ограничиться одним ребенком, увеличилась на 5 п.п., доля ожидающих двоих детей снизилась аж на 7 п.п. Правда, на 1 п.п. увеличились доли ожидающих троих детей, и также на 1 п.п. увеличилась доля тех, кто ожидает пять детей и более, что вполне можно связать с активной пропагандистской кампанией, ориентирующей население на принятие многодетности. Даже если принять, что в России действительно слегка увеличилась доля респондентов, голосующих за многодетность (см. также колонки с распределениями ответивших на вопрос о желаемом числе детей в табл. 4.5), эти малозначимые подвижки ни в коей мере не компенсируют снижение ожидаемой и желаемой детности в семьях, представляющих основную массу населения. Более того, доля тех, кто декларирует отсутствие детей в перспективе (нулевое ожидаемое

⁹ Ранее мы уже излагали результаты подробного анализа других социологических данных, показывающих изменения намерений и степень реализации намерений в отношении рождения детей по результатам трех волн выборочного исследования РидМиЖ/RusGGS, проведенного в 2004, 2007 и 2011 гг. Главный вывод анализа сводился к тому, что ни сами намерения россиян, ни их реализация на массовом уровне не изменились существенным образом под влиянием действия мер пронаталистской политики в течение первых трех лет их реализации (см.: Население России 2010–2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишнеvский. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 309–317). К таким же выводам подводил анализ результатов наиболее массовых опросов населения с целью выяснить намерения населения в отношении рождения детей — микропереписей населения, проведенных Росстатом в 1994 и 2015 гг. (см.: Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. С. 211–244).

число рождений), — 10% — слишком низка в условиях современной России. На основании расчетов специальных таблиц рождаемости с учетом очередности рождения мы можем с уверенностью утверждать, что доля окончательно бездетных будет не ниже 16% для женщин, перешагнувших свое 30-летие к сегодняшнему дню (поколение 1988 года рождения, представленное в табл. 4.5). А для еще более молодых женщин этот показатель может достигнуть 20% и более, если принять во внимание таблицу для условного поколения для 2018 г. (см. табл. 4.5). При таких более надежных оценках перспективной доли окончательно бездетных среднее число рожденных детей в расчете на всех женщин (рожавших и нерожавших) существенно корректируется в сторону понижения, до уровня 1,75 и даже ниже.

Если сравнить распределения респондентов по ожидаемому числу детей из последнего опроса 2019 г. с распределениями по числу детей в последовательности реальных поколений женщин 1958, 1968, 1978, 1988 годов рождения (рис. 4.7), то приходим к констатации следующего важного момента: ответы на вопрос об ожидаемом числе детей очень близко соответствуют не только ожидаемому по данным статистики распределению женщин по числу когда-либо рожденных детей, относящемуся к поколению 1988 года рождения, но и недалеко отстоит от фактически реализованного распределения женщин по числу рожденных детей в поколении 1958 года рождения.

Итак, нынешнее поколение женщин близко воспроизводит опыт своих матерей, и ожидать существенных изменений в российской рождаемости не следует, по крайней мере в среднесрочной перспективе — в перспективе для поколений, которые уже вошли в репродуктивный возраст, и, тем более, для поколений, которые находятся в возрастах активного деторождения.

Специальные таблицы рождаемости с учетом очередности рождения для реальных поколений, построенные в Институте демографии НИУ ВШЭ на основе описанной выше методики экстраполяции вероятностей рождения очередного ребенка, дают возможность более глубокого и детального изучения характерных особенностей существующей модели рождаемости и перспектив ее трансформации.

На рис. 4.8 демонстрируются фактически реализованные и ожидаемые вероятности рождения первых, вторых, третьих и чет-

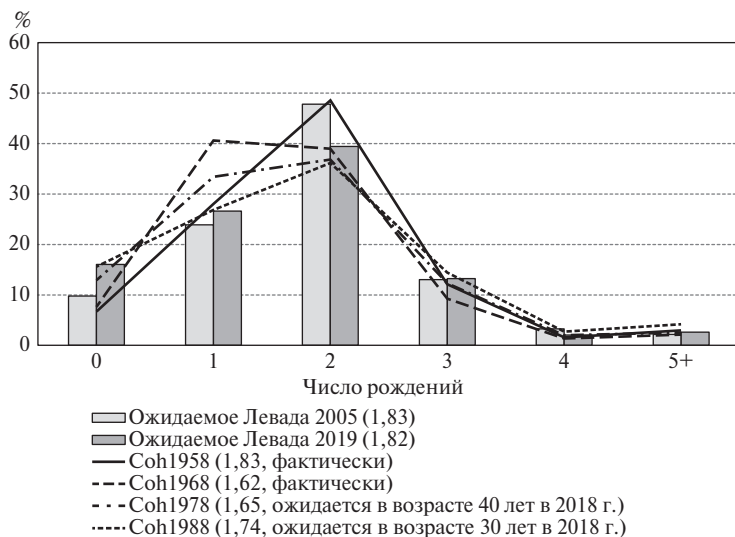

Рис. 4.7. Распределение респондентов по ожидаемому числу детей по опросам Левада-Центра в 2005 и 2019 гг., а также распределения женщин по числу когда-либо рожденных детей для поколений 1958, 1968, 1978, 1988 годов рождения (фактические и ожидаемые в соответствии со специальными таблицами рождаемости), %

Источники: Голов А. Число детей определяют взрослые. Левада-Центр. Пресс-выпуск. 22.08.2005. URL: <https://www.levada.ru/2005/08/22/a-golov-chislo-detej-opredelyayut-vzroslye/>; Желаемое и ожидаемое число детей. АЦ Левада-Центр. Пресс-выпуск. 25.11.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/zhelaemoe-i-ozhidaemoe-chislo-detej/>; расчеты С.В. Захарова на основе Human Fertility Database и неопубликованных данных Росстата.

вертых детей для поколений 1944–1990 годов рождения. Очевидны нарастание доли окончательно бездетных россиянок и тенденция к стабилизации вероятности рождения за всю жизнь двоих детей. Вероятность третьих детей пока на подъеме, и, возможно, она выйдет на рекордные отметки для всех послевоенных поколений. Однако мы пока не можем ожидать, что доля женщин с тремя детьми увеличится настолько, что сможет компенсировать увеличение доли бездетных. Тем более что вероятность рождения четвертых

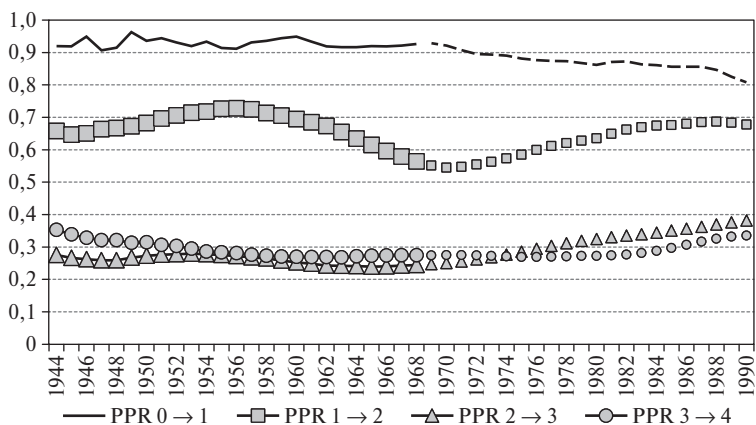

Рис. 4.8. Фактические и ожидаемые кумулятивные вероятности увеличения семьи (вероятности очередного рождения) к возрасту 50 лет для женщин 1944—1990 годов рождения, Россия

Примечание. PPR (Parity Progression Ratio) — ключевой показатель специальных таблиц рождаемости, описывающих возрастную функцию рождаемости с учетом очередности рождения. PPR0 → 1, или вероятность первого рождения, представляют долю женщин, родивших первого ребенка, из числа не родивших ни одного ребенка к некоторому возрасту. Соответственно, PPR1 → 2 — вероятность второго рождения, т.е. доля женщин, родивших второго ребенка, из числа имевших опыт первого рождения и т.д. Кумулятивные вероятности рождения детей для женщины к возрасту 50 лет могут считаться итоговыми показателями средней представительницы некоторого поколения, на основе которых может быть произведена оценка распределения женщин, относящихся к данному поколению, по числу когда-либо рожденных детей за весь детородный период.

и последующих детей отличается стабильностью. В результате не следует ожидать в перспективе и значимого роста среднего числа рожденных детей в расчете на одну женщину. На сегодняшний день мы можем ожидать, что поколение женщин 1987 года рождения завершит свою репродуктивную деятельность с результатом 1,75 рождения на одну женщину. Для последующих поколений наиболее вероятна перспектива стабилизации с шансами на снижение вплоть до уровня 1,6 рождения (рис. 4.9).

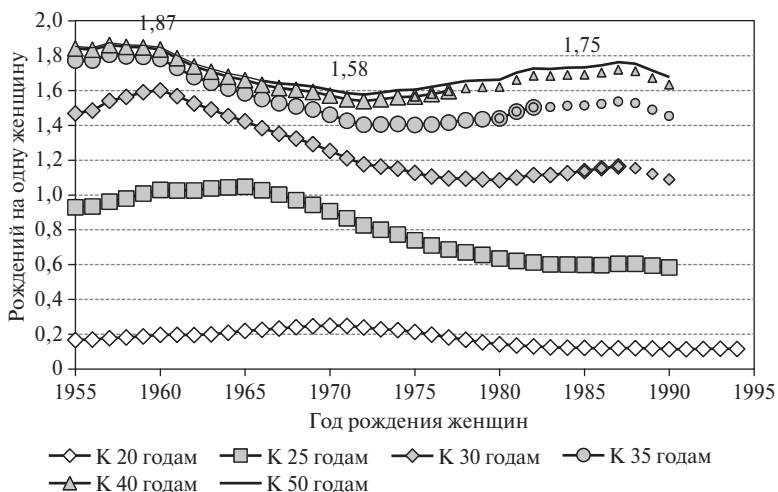

Рис. 4.9. Кумулятивные фактические и ожидаемые коэффициенты рождаемости к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2018 г.), Россия, женские поколения 1955–1995 годов рождения, на 1000 женщин

4.4. Россия на фоне других стран: тенденции рождаемости для условных и реальных поколений

На протяжении послевоенного периода рождаемость в России, как и в большинстве индустриально развитых и быстро развивающихся стран, преимущественно снижалась, а колебания, вызванные изменениями экономической конъюнктуры и вводимыми время от времени мерами семейной политики, не отменяли общие тенденции.

В России переход к низкой рождаемости произошел очень быстро. Уже к 1960-м годам она не только догнала передовые индустриальные страны, начавшие движение от высокой рождаемости к низкой на несколько десятилетий раньше — во второй половине XIX в., в то время как в России лишь на рубеже XIX и XX вв., но и оказалась в лидерах этого процесса. В конце 1960-х годов Рос-

сия выделялась на общем фоне крайне низкой по тем временам рождаемостью — в 1968 г. среди 40 промышленных стран только Чехия (в составе Чехословакии), Латвия и Украина (в составе СССР) и Хорватия (в составе Югославии) имели еще более низкие показатели. Кроме того, нельзя не обратить внимание на Венгрию, в которой в 1962–1965 гг. КСР для условных поколений был самым низким в мире (1,8 в расчете на одну женщину).

Впоследствии снижение рождаемости в России замедлилось, а во многих развитых странах продолжалось высокими темпами. К началу 1980-х годов уже оставалось не много индустриальных стран, в которых уровень рождаемости значительно превышал российский.

В результате, хотя к 1980 г. КСР в России снизился до 1,86 (самый низкий уровень за весь период до 1991 г.), в это время было 13 стран, в которых рождаемость была ниже, чем в России: Дания (1,55), Швейцария (1,55), Германия (ФРГ; 1,45), Нидерланды (1,60), Финляндия (1,63), Италия (1,64), Австрия (1,65), Канада (1,67), Швеция (1,68), Бельгия (1,68), Норвегия (1,72), Япония (1,75), США (1,84).

Затем последовал период кратковременного роста рождаемости в России, обусловленного мерами семейной политики 1980-х годов, на фоне всеобщей эйфории от социальных ожиданий благоприятных социально-политических и экономических перемен в период «перестройки и гласности». Локальный максимум был достигнут в 1987 г., когда КСР повысился до 2,23 и Россия оказалась в ряду развитых стран с самой высокой рождаемостью: среди 40 таких стран более высокий показатель в том же году был зафиксирован только в Эстонии, Македонии, Ирландии, Румынии и Молдавии.

Относительно высокие уровни рождаемости середины 1980-х годов наблюдались в России всего несколько лет, и уже с конца 1980-х произошло их резкое падение, в результате чего Россия снова оказалась среди стран с самой низкой рождаемостью, число которых продолжало расти. Если в 1980 г. среди 40 промышленно развитых стран Россия занимала 27-е место, а в 1990 г. — даже 17-е, то к 2000 г. она опустилась в самый низ рейтинга — на 38-ю позицию (в 1999 г. КСР в России достиг исторического минимума — 1,16).

В последнем десятилетии XX в. КСР упал до уровня менее 1,4 во многих странах, Россия была близка к таким разным государствам Центральной, Восточной и Южной Европы, как Болгария, Латвия, Чехия, Испания, Словения, Греция, а также к Японии, Южной Корее и ряду других быстро развивающихся азиатских стран. Россия своими исторически минимальными значениями немного отличалась по уровню рождаемости от Швейцарии, Канады, других стран, стабильных в политическом плане и вполне благополучных экономически.

Лишь на рубеже XX и XXI вв. обозначилась стабилизация КСР во многих развитых странах с признаками последующего роста. В самом начале 2000-х годов начался рост КСР и в России.

В последние два десятилетия, несмотря на существенные различия в характере социально-экономических реформ, динамике уровня жизни и затрат на семейную политику в различных странах, Россия принципиально не отличается по уровню и тенденциям рождаемости от стран с переходной экономикой в Восточной и Центральной Европе, хотя российский тренд выглядел более оптимистичным. Пережив повышение КСР, Россия к 2015 г. приблизилась к верхней границе вариации показателей для развитых стран, но, так ее и не достигнув, опустилась за три года к среднему уровню для 40 промышленно развитых стран.

Данные, представленные на рис. 4.10, дают наглядное представление о минимаксных границах варьирования КСР в развитых странах с 1960 г. Длинные динамические ряды свидетельствуют о сужении этой границы и сближении стран по уровню рождаемости. Последний год, за который мы имеем наиболее полный набор стран, — 2016-й, он дает нам минимаксный размах вариации КСР 1,35–1,95 рождения на одну женщину.

Мы можем с высокой степенью уверенности утверждать, что и в обозримом будущем Россия будет оставаться в границах варьирования КСР для развитых стран, наблюдаемых в длительной ретроспективе, а в последние два десятилетия — в пределах 1,3–2,1 рождения на одну женщину.

Упорядоченный ряд стран по уровню итоговой рождаемости реальных поколений несущественно, но вносит коррективы в представление о том, в каких странах рождаемость и, следовательно, число детей в семьях выше или ниже. Ранговая позиция России

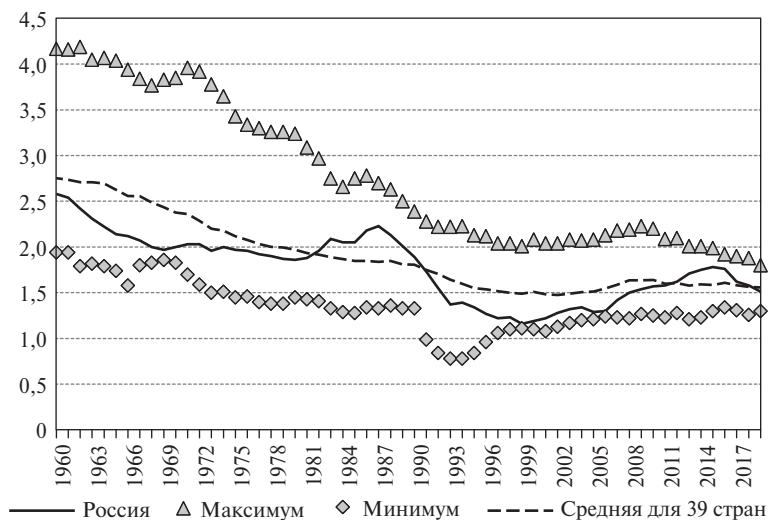

Рис. 4.10. Коэффициент суммарной рождаемости (итоговая рождаемость условных поколений) в России в границах максимальных и минимальных значений показателя для 39 промышленных стран мира (без России), 1960–2018 гг.

Примечание. Для США использованы данные только для белого населения, Германия представлена двумя рядами — для Восточных и Западных земель.

Источник: Расчеты С.В. Захарова на основе базы данных ИДЕМ НИУ ВШЭ.

в ряду развитых стран при переходе к оценке уровня рождаемости на основе показателей рождаемости для реальных поколений заметно понижается (рис. 4.11). Женские когорты указанных на графике годов рождения уже завершили свою репродуктивную деятельность, и показатели рождаемости для них окончательные. Ближайшее рейтинговое окружение России выглядит следующим образом: Греция, Бельгия, Литва, Латвия, Швейцария, Украина (рождаемость когорты 1965–1969 годов рождения в этих странах выше не более чем на 0,1 рождения в расчете на одну женщину), Белоруссия, Япония, Германия (Восточные и Западные земли), Италия, Испания (рождаемость тех же поколений не намного ниже, чем в России).

Снижение итоговой рождаемости реальных поколений вплоть до недавнего времени оставалось ведущей тенденцией прак-

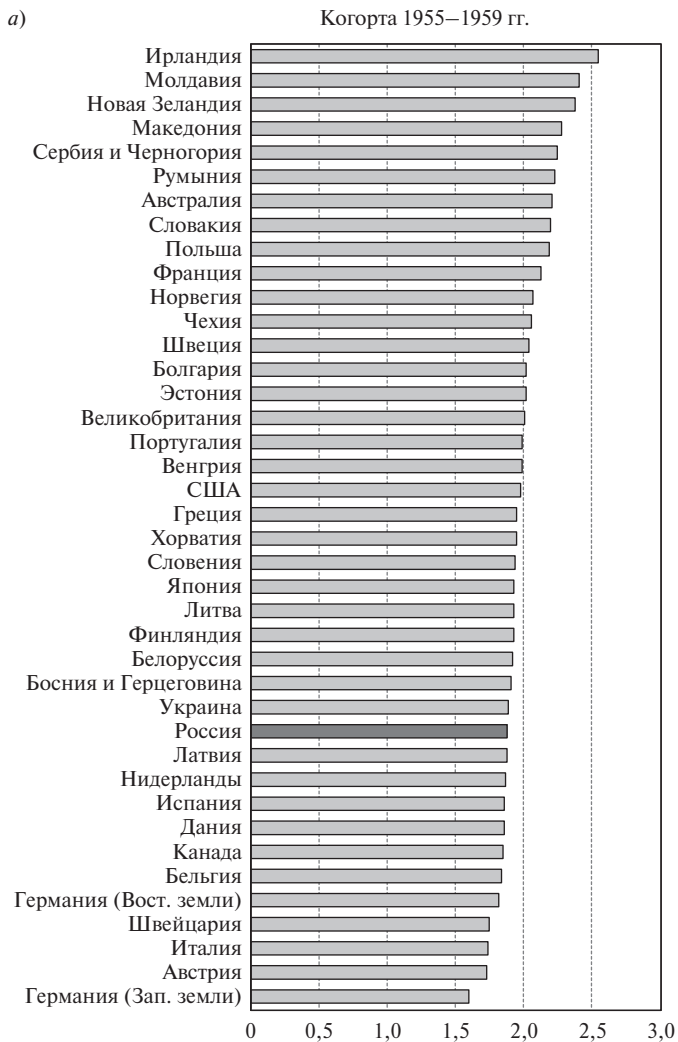

Рис. 4.11. Итоговая рождаемость реальных поколений в развитых странах мира, женские когорты 1955–1959 (а), 1960–1964 (б) и 1965–1969 (в) годов рождения

Источник: Базы данных ИДЕМ НИУ ВШЭ.

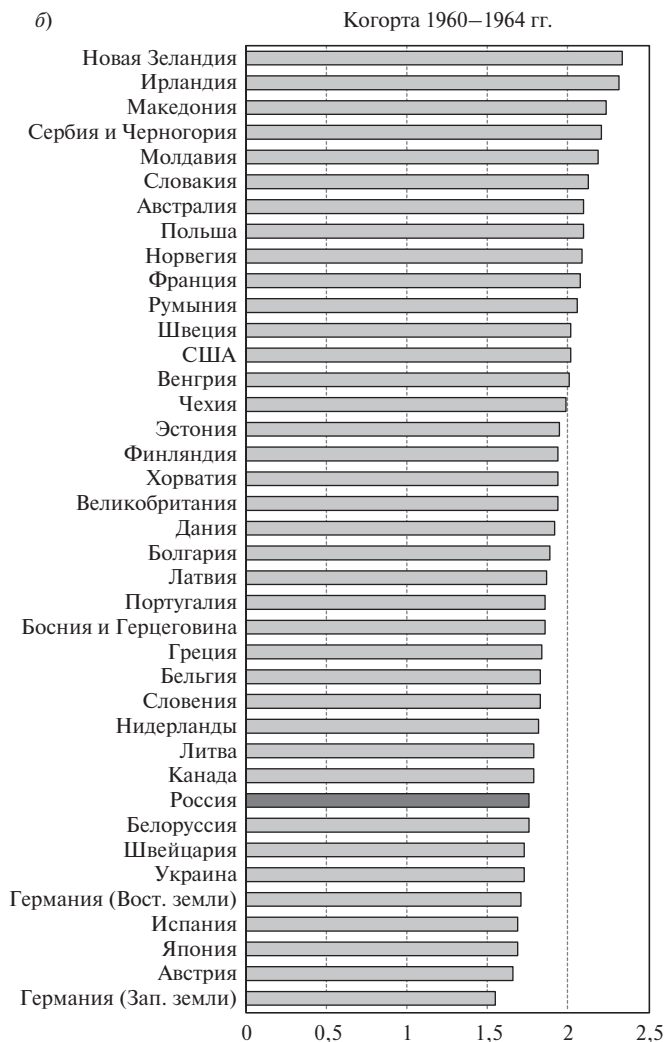

Рис. 4.11. (Продолжение)

тически для всей совокупности развитых стран. Статистически заметное повышение рождаемости продемонстрировали лишь Дания (+0,07 ребенка на одну женщину) и США (+0,1). Практически

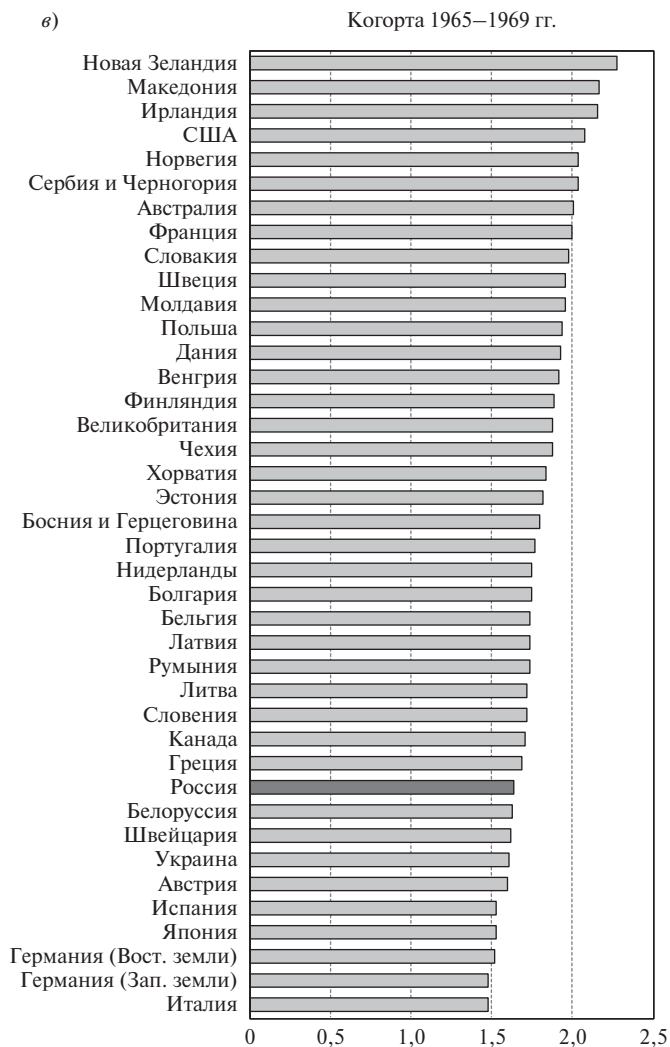

Рис. 4.11. (Окончание)

не меняется уровень рождаемости в Норвегии и Финляндии. Очень слабые подвижки в сторону снижения можно отметить во Франции и Швеции. В то же время самое значительное снижение рождаемо-

сти для поколений, разделенных десятилетним периодом — 1965–1969 и 1955–1959 годов рождения, демонстрируют Румыния (–0,49), Молдавия (–0,46), Япония (0,41), Ирландия (–0,40), Испания (–0,33), Восточные земли Германии (–0,30), Италия (–0,29), Белоруссия, Украина (по –0,28), Болгария (–0,27), Греция (–0,26), Польша (–0,25), Португалия, Россия, Словакия, Словения (по –0,22). Правда, в Ирландии и Молдавии такие быстрые темпы снижения по крайней мере отчасти связаны с завершением демографического перехода к низкой рождаемости, т.е. со снижением от высоких уровней — 2,5 ребенка на одну женщину для когорты 1955–1959 годов рождения.

Имеющиеся на сегодняшний день в нашем распоряжении предварительные оценки по странам итоговой рождаемости женщин 1970–1974 годов рождения, еще полностью не завершивших деторождение, не вносят каких-либо принципиальных коррективов в характеристику российского тренда — стремление к стабилизации на среднем уровне для наиболее экономически развитых стран мира.

4.5. Региональная дифференциация рождаемости в России

Коэффициент суммарной рождаемости в разрезе регионов России рассчитывается на регулярной основе Росстатом и публикуется в Демографическом ежегоднике России¹⁰, а также размещается в ЕМИСС¹¹. В момент написания данного раздела эта информация имеется для периода с 1990 по 2018 г. Она размещена также в разделе «Приложения» демографического интернет-еженедельника «Демоскоп Weekly»¹². Далее в нашем анализе региональных различий основной акцент будет сделан на период 2006–2018 гг.

Размах региональной вариации КСР в России представлен на рис. 4.12.

¹⁰ Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2019.

¹¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru>.

¹² Демоскоп Weekly: демографический интернет-еженедельник. URL: <http://www.demoscope.ru>.

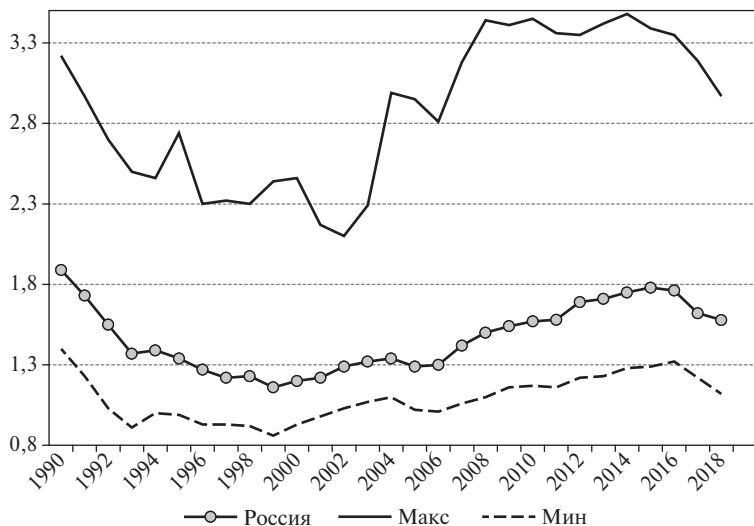

Рис. 4.12. Коэффициент суммарной рождаемости в России и субъектах РФ с наибольшим и наименьшим его значениями, 1990–2018 гг.

Средние величины КСР в России и в регионе с наименьшим его значением изменяются достаточно плавно, параллельно друг другу и не сильно отличаются по своему значению. Эти отличия за период после 1990 г. в среднем колебались в пределах от 0,1 до 0,4 рождения на одну женщину. Правда, в 2015 г. отставание аутсайдера от среднероссийского уровня достигало 0,5. Превышение же КСР в регионе с самым высоким значением над общероссийским уровнем зачастую составляло 1 рождение, а в 2008 г. достигало почти 2 рождения на одну женщину. В последние годы только два региона — Чеченская Республика и Республика Тыва — сменяли свое лидерство в России. В отличие от них, аутсайдеры менялись неоднократно, в последние годы это была Ленинградская область.

Рассмотренные два показателя — КСР в регионе-лидере и регионе-аутсайдере, или размах вариации, — самая простая характеристика разнобразия рождаемости по регионам России.

Более точный статистический показатель регионального разнобразия — дисперсия КСР по регионам. Следующий график

(рис. 4.13) позволяет проанализировать данный показатель в динамике и оценить, как его изменения ассоциируются с изменением самого КСР.

Можно отметить, что, как правило, увеличение или снижение КСР сопровождалось изменением дисперсии по регионам той же направленности. Однако для периода после 2011 г. снижение дисперсии началось на 5 лет раньше, чем произошло уменьшение суммарной рождаемости в России в целом (после 2015 г.). Кроме того, увеличение или уменьшение КСР и изменения дисперсии КСР непропорциональны друг другу.

Показатель дисперсии КСР, конечно, не может в полной мере охарактеризовать распределение величины КСР по регионам. Поэтому рассмотрим теперь более детальные данные о распределении значений коэффициента суммарной рождаемости по регионам страны. В качестве наиболее значимых периодов основное внимание предлагается уделить следующим трем: 2018 г. (последние данные), 2015 г. (локальный максимум КСР), 2011 г. (локальный максимум дисперсии КСР). Распределение регионов по их числу в указанные годы и в указанном интервале значений КСР с шагом 0,1 представлено на рис. 4.14.

Данный рисунок может помочь пониманию причины того, что в 2011 г. мы наблюдаем локальный максимум дисперсии. В этом году число регионов со значением КСР 2,2 и более составило 7, другими словами, эти регионы продемонстрировали существенный сдвиг вправо распределения регионов по их числу с этими значениями. С другой стороны, распределение регионов по значению КСР в 2018 г. после его снижения сдвинуто существенно влево, с явным превышением числа регионов с КСР на уровне 1,35; 1,55; 1,65 ($\pm 0,05$) ребенка на одну женщину по сравнению с двумя предыдущими периодами (табл. 4.6).

Для более наглядного изображения происходящих изменений в географии распределения рождаемости были проведены расчеты агрегированного показателя, который можно было бы назвать «центр тяжести рождений на территории России». Он определяет положение точки на карте страны, указывающей на географию среднего положения распределения родившихся на основании данных о координатах регионов страны, где «вес» области равен числу детей для данного года (рис. 4.15).

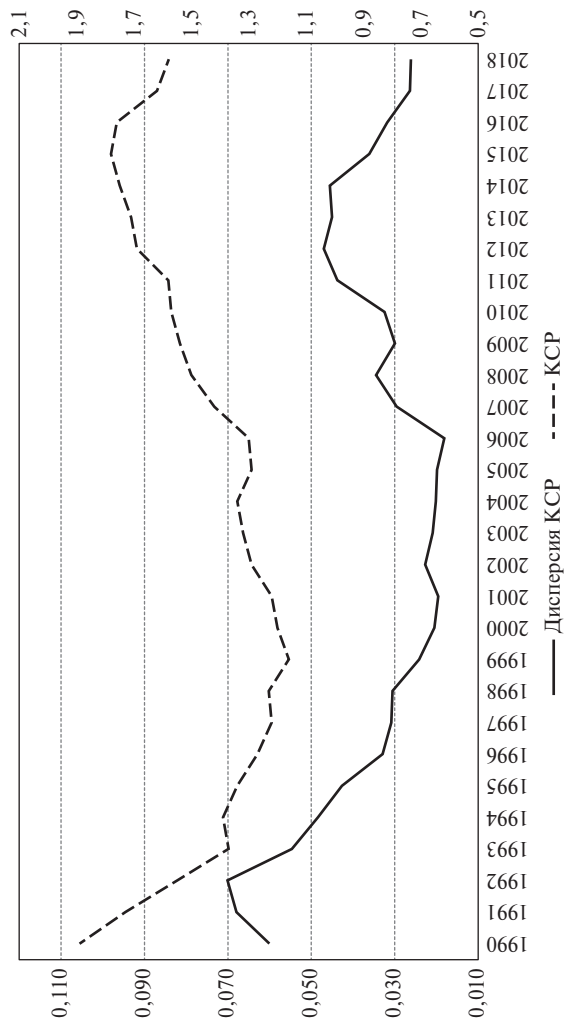

Рис. 4.13. Коэффициент суммарной рождаемости по России и его дисперсия по регионам РФ, 1990–2018 гг., детей на одну женщину (правая шкала) и детей на одну женщину в квадрате (левая шкала)

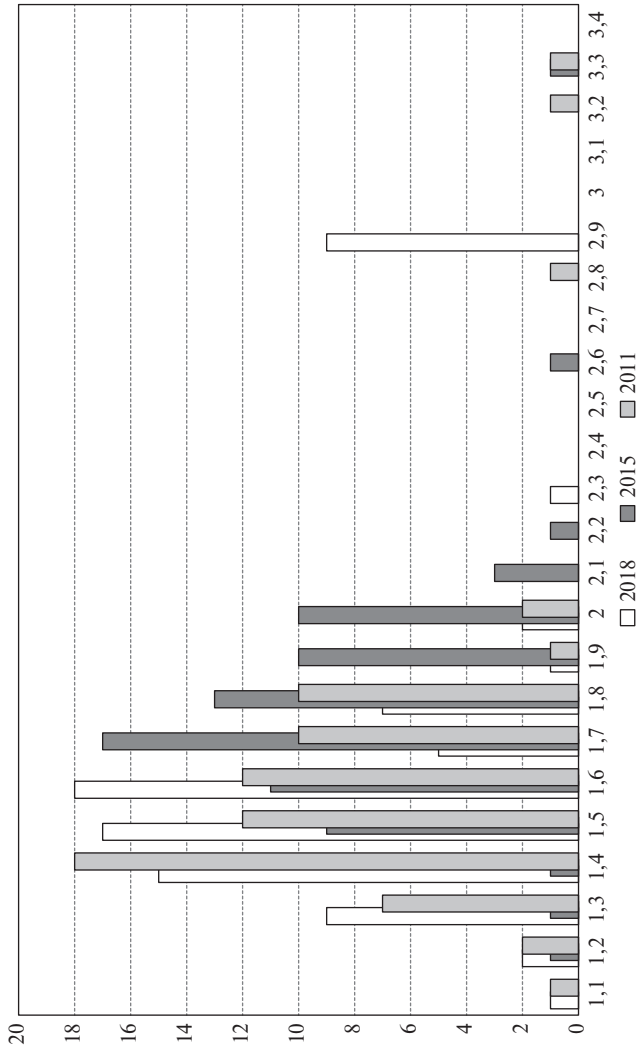

Рис. 4.14. Распределение регионов России по величине КСР, 2011, 2015 и 2018 гг.

Таблица 4.6. Десять регионов России с наибольшим значением КСР в 2011, 2015, 2018 гг., в порядке возрастания

	2015	2018
Иркутская область	Забайкальский край	Республика Саха (Якутия)
Забайкальский край	Тюменская область	Еврейская автономная область
Республика Дагестан	Чукотский автономный округ	Республика Дагестан
Ненецкий автономный округ	Курганская область	Сахалинская область
Республика Бурятия	Республика Саха (Якутия)	Чукотский автономный округ
Республика Саха (Якутия)	Республика Бурятия	Республика Бурятия
Республика Алтай	Ненецкий автономный округ	Ненецкий автономный округ
Республика Ингушетия	Республика Алтай	Республика Алтай
Республика Тыва	Чеченская Республика	Чеченская Республика
Чеченская Республика	Республика Тыва	Республика Тыва

Примечание. Курсивом выделены регионы-лидеры, которые попали во все три рейтинга.

Таблица 4.7. Десять регионов России с наименьшим значением КСР в 2011, 2015, 2018 гг., в порядке возрастания

	2015	2018
Ленинградская область	Ленинградская область	Ленинградская область
Республика Мордовия	Республика Мордовия	Республика Мордовия
Город Москва	Город Москва	Смоленская область
Тульская область	Тамбовская область	Тамбовская область
Тамбовская область	Воронежская область	Воронежская область
Воронежская область	Смоленская область	Тульская область
Пензенская область	Карачаево-Черкесская Республика	Пензенская область
Город Санкт-Петербург	Пензенская область	Белгородская область
Московская область	Белгородская область	Саратовская область
Ростовская область	Тульская область	Орловская область

Примечание. Курсивом выделены регионы-аутсайдеры, которые попали во все три рейтинга.

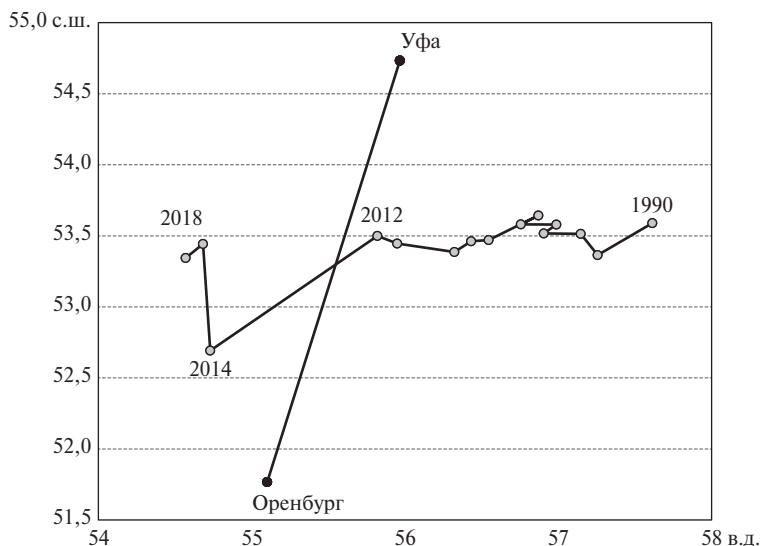

Рис. 4.15. Дрейф центра тяжести рожденных в регионах России детей с шагом 2 года, 1990–2018 гг., восточная долгота и северная широта

Перемещение указанного центра тяжести для выбранного периода происходит в основном в западном направлении, что, видимо, можно связать с преимущественно западным дрейфом в миграциях населения. За 25 лет центр тяжести сдвигается на запад на 2 градуса долготы, задерживаясь в некоторые годы без видимых изменений. После 2014 г. линия движения центра тяжести пересекает в западном направлении условную линию Уфа–Оренбург почти посередине. При этом географический прыжок составляет почти 1 градус. Правда, в 2016–2018 гг. произошло неожиданное перемещение центра тяжести рождений в восточном направлении. Время покажет, действительно ли вектор географического центра массы рождений в России изменился, или это временное колебание, или артефакт по причине несовершенства статистического наблюдения.